

ЛАРА ВЕЙН

ПРОЕКТ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СЕВЕРНЫЙ СФИНКС

18+

«Проект «Происхождение»»

Сфинкс Северный
Проект "Происхождение"
Пробуждение

«Автор»

2026

Северный С.

Проект "Происхождение" Пробуждение / С. Северный —
«Автор», 2026 — («Проект «Происхождение»»)

Вспышка света в подземном городе — и он очнулся на Элизиуме, в теле наёмника, убитого стражами Хранилища. В голове — чужая память и ИИ, который знает больше, чем говорит. Шаттл взорван, база пуста, отряд списан заказчиком. Бывший спецназовец Андрей Волков идёт в столицу Техносов, чтобы найти того, кто его предал, и ту, ради которой стоит выжить. Она рядом. Пятьсот метров — и сеть замкнётся.

Содержание

ПРОЛОГ. О ХРАНИЛИЩАХ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ХРАНИЛИЩЕ	7
Глава 1. Капсула	7
Глава 2. Обращение	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Лара Вейн, Сфинкс Северный

Проект "Происхождение" Пробуждение

ПРОЛОГ. О ХРАНИЛИЩАХ

Говорят, что у Техносов две памяти.

Одна — открытая. Она живёт в архивах Совета Равновесия, в учебных кристаллах Академии, в речах, которые произносят с балконов шпилей в дни Основания. Эта память гладкая и блестящая, как обшивка нового шаттла. В ней нет ни одной царапины. В ней Технократы всегда шли вперёд, всегда знали, куда идут, и никогда не платили за дорогу больше, чем было необходимо.

Другая память — закрытая. Её не записывают. Её передают шёпотом — в любом из городов Техносов, а их на Элизиуме много, от столицы до самой захудалой пограничной станции. В портовых доках, где грузчики курят в перерывах между сменами. В ночных барах нижних кварталов, куда не заглядывают патрули. В казармах наёмников, где пьют то, что нельзя пить, и говорят то, что нельзя говорить. В этой памяти есть Хранилища.

Говорят, их было двенадцать.

Говорят, их построили задолго до того, как Аэрии получили место в Совете, в те годы, когда учёные Техносов ещё не носили имплантов на висках и спорили о природе разума не в залах, а в лабораториях, вскрывая живое, чтобы понять, где в нём прячется то, что заставляет его жить. Совет тех времён решил, что знание, способное перевернуть мир, не должно храниться там, где его может найти любой. И тогда знание увезли.

Увезли туда, куда не дотягиваются патрули. За болота, за туманные пустоши, в глубину джунглей, где сканеры слепнут от биолюминесценции и магнитных аномалий, где деревья растут быстрее, чем их можно вырубить, а звери не боятся металла. Каждое Хранилище строили отдельно, отдельные бригады, по отдельным чертежам, и ни одна бригада не знала, где находятся остальные одиннадцать. Говорят, что строителей потом перевели на дальние станции Хоруса. Говорят, что до Хоруса долетели не все.

Что хранилось внутри — не знает никто.

Одни утверждают, что там лежат образцы. Семена растений, которых давно нет на поверхности Элизиума. Яйца зверей, вымерших тысячелетия назад. Ткани Аэрии, взятые ещё до Договора, — тех Аэрии, что не дожили до мира. Другие говорят, что Хранилища — это кузницы. Что в них ковали тела. Не корпуса для киборгов, которые сегодня можно заказать в любом из промышленных секторов, а нечто иное — тела, в которые можно было бы перенести то, что не умирает вместе с плотью. Третьи шепчут, что внутри спит оружие. Такое, перед которым Безликие кажутся детьми с игрушечными излучателями.

Говорят, что Хранилища охраняют Стражи.

Их описывают по-разному, но всегда одинаково. Высокие — выше любого из Техносов. Чёрные, будто их отлили из ночи. Вместо глаз — узкие прорезы, горящие холодным бирюзовым светом. На груди — знак, который не встречается ни в одном из известных алфавитов. А за спиной, там, где у Аэрии растут крылья, у Стражей поднимаются исполинские лезвия, изогнутые, как серпы жнецов на полях древних Техносов. Говорят, Стражи не стреляют. Им не нужно.

Говорят, что Хранилища спят.

Не умерли — спят. Их сердца бьются медленно, раз в сотню лет, их системы поддерживают ровно столько энергии, сколько нужно, чтобы помнить. И что каждое из них ждёт. Не

приказа Совета — Совет давно потерял ключи, а может, никогда их и не имел. Не случайного путника — случайного путника Стражи разрежут раньше, чем он успеет увидеть дверь.

Они ждут того, кто знает, как их разбудить.

Мудрые в доках смеются над этими сказками. Мудрые говорят, что никаких Хранилищ нет, а если и были, то их давно разобрали на металл, как разбирают всё, что плохо лежит. Что Стражи — это выдумка контрабандистов, которым нужно было объяснить, почему их грузы не доходят через джунгли. Что двенадцать — просто красивое число.

Но наёмники, уходящие в джунгли за большие деньги, всё равно отводят глаза, когда кто-то из новичков спрашивает о Хранилищах. Старые наёмники знают правило: не спрашивай, откуда пришёл контракт, если он слишком хорошо оплачен. И не спрашивай, куда ведёт маршрут, если в брифинге есть слово «не вскрывать».

Говорят, что одно из Хранилищ недавно проснулось.

Говорят, что в ту ночь над сектором Гамма-4 видели бирюзовый свет, поднимавшийся из-под крон до самых облаков. Что шаттл, вылетевший туда по контракту, так и не вернулся в доки. Что двадцать бойцов, лучших из тех, кого можно было нанять за Эхо, вошли в джунгли — и не вышли.

Почти все.

Но это, конечно, лишь слухи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ХРАНИЛИЩЕ

Глава 1. Капсула

Сначала не было ничего.

Потом появилась тяжесть.

Она пришла не сверху и не снизу — отовсюду сразу, будто меня залили в бетон и оставили схватываться. Я не чувствовал ни рук, ни ног, ни лица. Только эту равномерную, вязкую тяжесть и тихий гул где-то на границе слуха — низкий, ровный, механический. Так гудит трансформаторная будка в морозную ночь. Так гудит бронетранспортёр на холостых, когда водила заснул, а двигатель глушить нельзя.

Бронетранспортёр.

Слово всплыло само, и вместе с ним всплыл запах — солярка, мокрый брезент, кислая вонь немых тел в тесном десантном отделении. Холод. Январь. Город, которого больше нет, горит за смотровой щелью рыжими кляксами, и кто-то рядом, кажется, Малой, бормочет одно и то же: «Только не в подъезд, только не в подъезд, только не в подъезд...»

Я знал этот город. Я знал этот январь.

И в ту же секунду я знал другое.

Джунгли. Бирюзовое свечение под ногами, как будто сама земля горит холодным огнём. Мокрые листья, огромные, с человеческий рост, хлещут по броне. В тактическом интерфейсе мигают восемнадцать зелёных меток — мои. Мои люди. И девчонка. Серебряные волосы, крылья, сложенные за спиной, — и спокойный голос, слишком спокойный для того, кто стоит под прицелом восемнадцати стволов. Я говорю ей что-то про эвакуацию — вру, как дышу, ровно, через фильтр, — а она слушает и задаёт вопросы. А рядом шепчет Лекси: «Она тянет время... Она вообще не паникует. Она считает...»

Лекси.

Я не знал никакой Лекси.

Я знал её двенадцать лет.

Две картинки не накладывались друг на друга. Они не смешивались, как смешиваются краски на палитре. Они стояли рядом, каждая в своей рамке, и обе были моими. Январь и джунгли. Солярка и озон. Малой и Лекси. Я смотрел на них изнутри собственной головы и не мог понять, которая из них настоящая.

Обе.

Ни одна.

Я в жидкости, понял я. Плыву.

Я попробовал вдохнуть — и вместо воздуха в лёгкие потекло что-то густое, тёплое, насыщенное кислородом настолько, что тело перестало спорить и просто приняло это как должное.

— Доброе утро, — произнёс голос.

Ровный. Бодрый. Совершенно не вязавшийся с тем, что творилось у меня в черепе. Так на Земле дикторы читают прогноз погоды — с одинаковой улыбкой про солнце и про ураган.

— Рад сообщить, что процедура регенерации прошла успешно. Пациент стабилен.

Пациент. Не имя. Просто категория.

— Где... — попытался я сказать, и звук вышел бульканьем, растворившимся в растворе.

Голос воспринял это как вопрос.

— Вы находитесь в капсуле регенерации четвёртого поколения. Позвольте ознакомить вас со сводкой произведённых процедур. Остановка внутреннего кровотечения. Замена левого лёгкого на синтетический аналог класса «Стандарт». Регенерация тканей грудной полости —

восемьдесят три процента. Восстановление объёма крови. Замена трёх рёбер имплантами базового класса, поскольку оригинальные фрагменты были признаны непригодными для реконструкции.

Лёгкое. Рёбра. Грудная полость.

Значит, били в грудь.

— Стоимость процедур составила восемнадцать тысяч четыреста двадцать Эхо, — жизнерадостно сообщил голос. — Сумма списана с вашего личного счёта автоматически, согласно контракту на медицинское обслуживание. Благодарим за то, что выбираете нас. Хорошего дня.

Восемнадцать тысяч. За то, что не умер.

В Грозном за такое давали медаль. Иногда — посмертно. Здесь — выставляли счёт. Сначала тебя латают, потом списывают деньги, и обе части процедуры одинаково безлики.

Я бы рассмеялся, будь у меня на это силы.

Свет вокруг дрогнул. Что-то щёлкнуло, и жидкость начала убывать — стекала вниз, сквозь отверстия, которых я раньше не видел. Крышка разошлась с тихим шипением, внутрь хлынул воздух — настоящий, холодный, обжигающий лёгкие, одно из которых ещё вчера было из мяса. Или год назад. Я не знал, сколько прошло.

Я закашлялся. Попытался приподняться.

Не успел.

Боль пришла не снаружи. Она родилась в самом центре черепа — острая, раскалённая, будто в мозг вкрутили штопор и одним движением провернули до упора. Я услышал собственный крик раньше, чем понял, что кричу.

«Обнаружен совместимый носитель. Инициирована процедура развёртывания».

Другой голос. Не бодрый диктор капсулы. Глубже. Не снаружи — внутри, там же, где только что взорвалась боль.

— Что... что за... — прохрипел я, вцепившись пальцами в край капсулы.

Ответа не было. Боль ударила снова, сильнее, — будто что-то живое, чужое, настойчивое разворачивалось у меня в голове, прокладывая себе дорогу через ткани, которые не были к этому готовы. Перед глазами вспыхнули и погасли строки — обрывки, символы, схемы, слишком быстрые, чтобы прочесть.

Я увидел собственную руку, вцепившуюся в край капсулы. Графитово-серые пальцы. Гладкие, как полированный камень.

Я не узнал эту руку.

А потом всё — свет, боль, голоса, два имени, которые никак не желали сложиться в одно, — схлопнулось в белую вспышку.

* * *

Второй раз я пришёл в себя снова в жидкости.

Капсула — заботливо, не спросив — закрыла крышку обратно и залила меня по самое горло. Видимо, решила, что пациент стабилен не до конца.

Тяжесть вернулась. Гул — тоже. А потом в темноте передо мной — не перед глазами, глаз я по-прежнему не чувствовал, а именно передо мной, где-то в той точке, где обычно находишься ты сам, когда закрываешь веки, — вспыхнула строка.

[ВОССТАНОВЛЕНИЕ ТКАНЕЙ: 91 %]

Ровные буквы. Не белые — тело Каэла ждало белых: двадцать лет в этом месте, в левом нижнем углу, висели белые строки его наёмничьей прошивки. Эти были бледно-фиолетовые, с зеленоватой каймой, и чуть дрожали, как изображение на плохом экране. Чужой алфавит. Я никогда его не видел.

Я читал на нём с шести лет.

[НЕЙРОАКТИВНОСТЬ: ПОВЫШЕННАЯ. РЕКОМЕНДОВАН ПОКОЙ]

Покой. Отлично. Ещё бы кто-нибудь объяснил, как его достичь, когда в черепе у тебя живут два человека и ни один не собирается уступать другому место.

Стоп.

Я заставил себя остановиться. Не думать. Не вспоминать. Просто дышать — если я вообще дышал. Старое правило, вбитое ещё сержантом в учебке под Моздоком: если не понимаешь, что происходит, — замри и считай. Считай всё, что можешь сосчитать. Патроны. Шаги. Удары сердца. Пока считаешь — ты жив. Пока жив — есть шанс понять.

Раз.

Сердце. Оно было. Медленное, тяжёлое, оно билось где-то в глубине тяжести, и с каждым ударом я чувствовал, как по телу расходится едва заметная волна тепла. Не так, как раньше. Не так, как должно быть. Удар — пауза — и ещё один слабый, почти неощутимый толчок, будто где-то рядом с сердцем работал второй, маленький насос. Синхронный. Механический.

Два.

Лёгкие. Я ждал, что захлебнусь, — тяжесть вокруг ощущалась как жидкость, густая и тёплая, — но не захлёбывался. Грудь не поднималась. Воздуха не хотелось. Что-то другое снабжало меня кислородом, и тело — это тело — восприняло это как должное. Без паники. Без судорожного рывка вверх, к поверхности, который я сделал бы на его месте. На своём месте.

На чьём месте?

Три.

Лицо. Левая сторона горела. Не болела — именно горела, ровным, тупым, далёким огнём, как горит обмороженная кожа, когда её начинают отогревать. Правую сторону я не чувствовал вовсе, словно её не было. Или словно с ней всё было в порядке, и потому ей нечего было мне сообщить.

[ВОССТАНОВЛЕНИЕ ТКАНЕЙ: 92%]

[НЕЙРОПОРТ 3: ОБНАРУЖЕН ВНЕШНИЙ КОД. ИСТОЧНИК — СИСТЕМА РЕГЕНЕРАЦИИ]

Вот это уже было интересно.

Строки не исчезли. Но по ним, будто изнутри, пошла рябь. Как на старом телевизоре «Рубин» в бабушкиной комнате, когда пропадал сигнал, — только цвета были неестественные: кислотно-зелёный и ярко-фиолетовый. Рябь смазывала бледные буквы капсульной сводки, текла поверх них, а сквозь неё проступали другие символы — ярче, отчётливее, светящиеся. Они складывались в узоры, распадались и складывались снова, словно кто-то пробовал разные ключи к одному замку. Они не были похожи на алфавит Техносов. Они вообще ни на что не были похожи.

Нет.

Были.

Я видел такие. Не в джунглях. В другом месте. Под землёй, под городом, которого здесь не может быть, — в зале со стенами из металла и кристалла, где пахло озоном и пылью тысячелетий. Там на стенах горели такие же линии. Там стоял древний, асимметрично постаревший старик в кресле и рассказывал о звезде, которая убьёт его мир. А потом коснулся символов на панели рядом с собой и...

Свет.

[ЗАПИСЬ... 12%]

[ПРЕЖНЯЯ ПРОШИВКА НОСИТЕЛЯ: НЕ ОБНАРУЖЕНА]

[ПРЕЖНЯЯ ПРОШИВКА НОСИТЕЛЯ: НЕ ОБНАРУЖЕНА]

Не обнаружена.

Тело Каэла рефлекторно потянулось к привычному — к штатному тактическому интерфейсу, стандартной прошивке для наёмников категории «Б», купленной на чёрном рынке Сурнуса за три тысячи Эхо и перепрошитой Ржавым так, что от исходного кода остались только

шрифты. Потянулось — и не нашло. Там, где двадцать лет жила прошивка, теперь было пусто. Нет — не пусто. Там была рябь. Капсула лечила меня — и, пока лечила, что-то вписывала в порт за левым ухом. Строка за строкой. Тем же раствором, который сращивал мне рёбра. Как прививку. Как заразу.

Я поймал себя на том, что знаю, кто такой Ржавый. Знаю, сколько стоила прошивка. Знаю, что Ржавый ругался три дня, пока её взламывал, и что Лекси потом подарила ему за это банку моторного масла — шутка, понятная только им двоим.

Знаю — и не знаю ничего.

Меня зовут Андрей Волков.

Меня зовут Каэл.

Мысль была моей. Обе мысли были моими. Одна звучала голосом, к которому я привыкал пятьдесят лет, — глуховатым, с хрипотцой от сигарет, которые я бросил на втором году «Происхождения». Вторая — другим, ниже и ровнее, с металлическим призвуком на согласных, будто где-то в гортани у говорящего стоял крошечный фильтр. Я слышал этот голос в своей голове всю жизнь.

Я никогда его не слышал.

[ВОССТАНОВЛЕНИЕ ТКАНЕЙ: 94%]

Хорошо. Хорошо. Работаем с тем, что есть.

Оценка обстановки. Первое — где я. Неизвестно. Жидкость, тепло, гул механизмов. Медицинская капсула? Похоже. Судя по строкам перед глазами — капсула регенерации, и меня в ней чинят. Чинят хорошо, раз уже девяносто четыре процента. Значит, тот, кто меня сюда положил, хотел, чтобы я выжил. Или хотел, чтобы выжило тело. Это не одно и то же.

Второе — кто я. Тут сложнее. Тут я пока пропущу.

Третье — кто враг. Неизвестно. Тот, кто положил меня в капсулу, — враг? Друг? Нейтрал? Нет данных. Девчонка с серебряными волосами — враг? По памяти Каэла — цель. Не враг даже, хуже. Цель. Объект операции. Пункт в брифинге. По моей памяти — я её вообще не знаю.

Четвёртое — что у меня есть.

Вот тут я впервые попытался пошевелиться.

Пальцы. Я приказал им сжаться — и они сжались. Не сразу, с задержкой в долю секунды, будто сигнал проходил через лишний узел связи. Но сжались. Я почувствовал, как упираются в ладонь кончики — и почувствовал, что кончики твёрдые. Не как ногти. Как будто фаланги заканчивались чем-то гладким и прохладным, вроде полированного камня. Я разжал пальцы, сжал снова. Ощущение было отчётливым и абсолютно неправильным.

Моя рука такой не была.

Была. Всегда.

Правая рука — композит до локтя. Графитово-серые сегменты, повторяющие форму костей, поверх них — искусственные сухожилия, поверх сухожилий — синтетическая кожа, которую можно снять, если нужно добраться до разъёмов. Я заменил её в двадцать три, после того дела на рудниках Ксанти, когда от родной осталась только плечевая кость и воспоминания. Левая — родная, только усиленная, со вшитыми проводниками вдоль лучевой кости. Позвоночник — наполовину сталь. Глаза — свои, но с линзами: в полной темноте видят, как днём, а тонкую стену — насквозь. Под кожей груди и плеч — сетка кинетического щита. Сердце — своё, но с помпой. Гортань — с фильтром. Кожа на левой стороне лица — композит поверх органики, потому что Ржавый говорил, что так лучше держит удар. Череп — бритый наголо, двадцать лет подряд, каждое утро, чтобы импланты вдоль затылка дышали и шлем садился как влитой...

Это всё знал не я.

Это знало тело. Или кто-то, кто жил в нём до меня.

Я лежал в тёплой темноте и слушал, как во мне одна за другой открываются чужие двери, а за каждой — комната, полная чужих вещей, которые я узнавал, как свои.

Ладно. Хватит.

Если продолжать в том же духе, я сойду с ума быстрее, чем капсула дочинит мне лицо. А сходить с ума сейчас — тактически неграмотно. Сначала надо выбраться. Потом — понять, где я. Потом — понять, кто я. Именно в этом порядке. Первые два пункта решаемы. Третий — может подождать.

Он ждал пятьдесят лет. Подождёт ещё немного.

[ВОССТАНОВЛЕНИЕ ТКАНЕЙ: 97%]

[ЗАПИСЬ... 31%]

[РЕКОМЕНДАЦИЯ: НЕ ПРЕРЫВАТЬ]

Не прерывать. Хорошо сказано. Как будто у меня был выбор.

Я не знал, как перезагружают интерфейс. Тело знало — короткое усилие, сосредоточение на точке за левым ухом, где под кожей прятался порт, мысленный щелчок, как будто сжимаешь кулак внутри черепа. Двадцать лет Каэл делал это, когда прошивка начинала глючить. Тело потянулось сделать это само, рефлекторно, — и упёрлось в пустоту. Перезагружать было нечего. Старой прошивки не было. Осталась только память о ней — да навык, привычка пальцев, которые тянутся к выключателю в комнате, где выключатель давно сняли.

И я остановил даже попытку.

Не знаю почему. Просто — нет. Фиолетово-зелёные символы, которые тело Каэла считало чужими, были единственным, что связывало меня с той, другой памятью. С подземным городом. Со стариком в кресле. С Лизой.

Лиза.

Её имя вспыхнуло ярче любой строки. И одновременно с ним меня обдало холодом — настоящим, физическим, будто из жидкости вокруг вдруг откачали тепло. Лиза стояла рядом со мной в том зале. Лиза держала меня за руку, когда старик коснулся панели. Лиза...

Где Лиза?

[ПУЛЬС: 112. ДАВЛЕНИЕ ПОВЫШЕНО. ВВОД СЕДАТИВНОГО КОМПОНЕНТА]

Что-то кольнуло в шею. Мягко, почти ласково. Тепло вернулось — густое, ватное, расплавающееся от горла вниз, к груди, к животу, к кончикам каменных пальцев. Мысли замедлились, как замедляется видеозапись на плохом проигрывателе. Лиза отодвинулась куда-то вглубь — не исчезла, просто отошла на шаг, встала в тень, и я перестал различать её лицо.

Твою ж...

Капсула меня успокаивала. Заботливо. Без спроса.

Последняя связная мысль перед тем, как меня снова накрыло, была неожиданно ясной и злой: меня уже второй раз за... сколько? — за неизвестное количество времени кто-то спасает, не спрашивая моего мнения. Первый раз — старик в кресле. Второй — эта машина.

Не люблю, когда меня спасают без спроса.

Слишком часто после этого приходится расплачиваться.

* * *

Грозный. Август девяносто шестого. Колонна выходит из города.

Я никогда не рассказывал об этом Лизе. Никому не рассказывал. Не потому, что это было что-то страшное — по сравнению с тем, что было до и после, это был почти курорт. А потому, что это было начало, а о начале рассказывать труднее всего.

Колонна шла медленно, под камеры, с подписанными где-то бумагами, по которым выходило, что всё кончилось. А мы, пацаны из хвоста, ничего не подписывали. Мы просто сидели на броне последних машин и смотрели назад — на город, в котором остались наши. Город был серый и равнодушный. Ему было всё равно, сколько нас там осталось.

Мне тогда сказал старишина, Михеич, — у него было лицо, как растрескавшийся сапог, и он курил «Приму» одну за другой, не вынимая изо рта:

— Запомни, сынок. Нас сюда никто не звал. И уходим мы не потому, что победили. А потому, что кому-то наверху так стало удобнее. Привыкай. Это не в последний раз.

Я тогда не понял. Думал, старик ворчит. Старики всегда ворчат.

Через три года мы вернулись. Туда же. Михеич — уже нет.

Он не ворчал. Он рассказывал мне, как будет устроена вся моя жизнь.

** * **

Лекси сидит на краю моей койки в казарме Ангара 17. Ноги в тяжёлых ботинках, на коленях — разобранный излучатель, который она чистит с таким выражением лица, будто это не оружие, а любимая кошка. Тусклый свет из иллюминатора скользит по её скуле — по той части, где под тонкой кожей проступает серебристая сетка проводников.

— Каэл, — говорит она, не поднимая глаз. — Ты опять разговаривал во сне.

— И что я говорил?

— Ерунду какую-то. «Только не в подъезд». Что такое «подъезд»?

Я не знаю, что такое подъезд. Я никогда не слышал этого слова.

— Понятия не имею, — говорю я. — Приснилось что-то.

Она поднимает глаза. У неё зелёные глаза с крошечными точками линз в зрачках, и когда она смотрит так, мне всегда кажется, что она меня сканирует.

— Странно, — говорит она. — Ты раньше никогда не разговаривал во сне.

** * **

Стоп.

Это было не воспоминание.

Я очнулся рывком — насколько можно очнуться рывком в вязкой жидкости — и несколько секунд лежал, переваривая то, что только что увидел. Сцена в казарме была из памяти Каэла. Но слова в ней — «только не в подъезд» — были из моей. Из той январской ночи, из бормотания Малого.

Кто-то из нас двоих видел этот сон раньше. Каэл видел мой сон. До того, как я сюда попал.

Или я сейчас, в полубреду, переписываю его память своими кусками, как пишут поверх старой магнитофонной записи, и уже не отличаю, где оригинал, а где наложение.

Второе было логичнее. Первое — страшнее.

Я выбрал пока не думать ни о том, ни о другом.

[ВОССТАНОВЛЕНИЕ ТКАНЕЙ: 100%]

[ЗАВЕРШЕНИЕ ЦИКЛА РЕГЕНЕРАЦИИ. ДРЕНАЖ]

[ЗАПИСЬ... 58%]

Пятьдесят восемь. Неплохо растёт, зараза. Капсула лечила меня и заражала — одним и тем же раствором, одним и тем же движением. И не спрашивала, хочу ли я ни того, ни другого.

Гул изменился. К нему добавился новый звук — влажное, утробное урчание, будто кто-то тянул воду через гигантскую соломинку. Тяжесть вокруг начала уходить. Сначала от макушки — я почувствовал, как холодный воздух коснулся лба, волос, левой, горячей стороны лица.

Волос?— удивилась память Каэла: двадцать лет эта голова знала только бритву. Потом воздух коснулся плеч. Грудь.

И вот тогда тело наконец вспомнило, что оно должно дышать.

Это было как удар под дых изнутри. Лёгкие развернулись сами, рывком, и в них хлынуло что-то холодное, острое, пахнущее озоном и стерильностью. Я закашлялся. Кашель был мокрый, надсадный, изо рта и, кажется, из носа хлынула жидкость — тёплая, чуть солоноватая, с привкусом металла. Я перекатился на бок — тело само знало, как перекатиться, чтобы не захлебнуться, — и меня вывернуло. Долго. Мучительно. Всем, что успело скопиться в лёгких и желудке за... сколько?

Сколько я здесь пролежал?

Наконец спазмы отпустили. Я лежал на боку, щекой — правой, нечувствительной — на чём-то твёрдом и гладком. Дно капсулы. Жидкость ушла почти вся, осталась лужица, в которой я лежал, как рыба, выброшенная на берег. Холодно. Очень холодно. По коже бежали мурашки — по той коже, которая умела бежать мурашками. Композитные участки на правой руке, на плече, на левой скуле никак не реагировали на холод. Они просто фиксировали температуру — четырнадцать градусов, сообщила бледно-фиолетовая строка где-то на периферии зрения — и молчали.

Зрения.

Я открыл глаза.

Свет. Не яркий — приглушённый, голубоватый, рассеянный. Он лился откуда-то сверху и сбоку, мягко, без резких теней. Я лежал внутри прозрачной капсулы — овальной, вытянутой, похожей на огромное яйцо, разрезанное вдоль. Стенки — гладкие, чуть выпуклые, с тонкими прожилками каких-то трубок и проводов, вплавленных прямо в материал. Сквозь них было видно помещение снаружи, но мутно, искажённо, как сквозь залитое дождём стекло.

Линзы в глазах сами подстроили фокус. Я почувствовал это — едва уловимое движение внутри глазного яблока, лёгкий щелчок, и муть рассеялась. Мир стал резким. Слишком резким. Каждый шов на стенке капсулы, каждая пылинка на её поверхности — я видел их так отчётливо, будто смотрел через хороший бинокль.

Раньше я так не видел.

Всегда так видел.

Хватит.

Крышка капсулы — верхняя половина «яйца» — дрогнула и поползла в сторону. Беззвучно. Медленно. Холодный воздух хлынул внутрь, и меня снова заколотило. Тело требовало тепла, одежды, движения. Я подчинился ему: упёрся ладонями в дно, приподнялся. Руки дрожали. Правая — нет, правая держала идеально ровно, как штатив. Дрожала левая, живая. Странное ощущение: опираешься на две руки, а дрожит только одна. Как будто половина тебя испугана, а половине всё равно.

Очень точная метафора, Андрей. Запиши. Потом пригодится.

Я сел.

Голова закружилась. Перед глазами поплыли бледно-фиолетовые строки, зелёная рябь, голубоватый свет — всё смешалось в один мутный водоворот. Я переждал. Досчитал до двадцати. Водоворот замедлился, распался на отдельные элементы, и я наконец смог рассмотреть, где нахожусь.

Помещение было большим. Высокий потолок терялся в полумраке, и оттуда, сверху, свисали какие-то конструкции — то ли трубы, то ли кабели, то ли и то и другое, сплетённое в толстые, похожие на корни жгуты. Стены — гладкие, светлые, без углов: каждая плавно перетекала в пол и потолок, будто помещение не строили, а выдули из одного куска материала, как стеклодув выдувает колбу. Вдоль стен в два ряда стояли капсулы — такие же, как моя. Я насчитал двенадцать. Остальные терялись в полумраке.

Почти все были пусты. Тёмные, без подсветки, с поднятыми крышками.

Почти.

В трёх капсулах в дальнем конце зала горел слабый свет. Янтарный, тёплый. Сквозь мутное стекло угадывались очертания — что-то лежало внутри. Я напряг зрение, линзы послушно щёлкнули, приближая картинку, — и ничего не разглядел. Слишком далеко. Слишком мутно.

Ладно. Потом.

Я опустил взгляд на себя.

Тело было голым. Мокрым. Чужим.

Оно было крупнее моего — того, к которому я привык. Не сильно, может, на полголовы выше, может, чуть шире в плечах. Но пропорции были другими. Длиннее руки. Длиннее шея. Мышцы — не бугристые, как у тех, кто качается в зале, а плоские, жгутовые, как у тех, кто всю жизнь таскает тяжёлое и бежит с этим тяжёлым по пересечённой местности. Кожа бледная, с сероватым отливом, и на этой коже — шрамы. Много шрамов. Старые, белые, тонкие — и новые, розовые, свежие, едва затянувшиеся. Свежих было больше.

Через всю грудь, от левой ключицы почти до середины грудины, тянулось пятно новой кожи. Розовой, гладкой, блестящей, как у младенца. Неровное, с рваными краями — не разрез. Ожог. Под ним, если надавить пальцами, прощупывались рёбра — три из них были твёрже остальных.

Я смотрел на это пятно и вспоминал.

Голубой свет. Он хлынул из склона холма, из-под мха, из щелей между камнями — не вспышкой, а нарастающей волной. А из света поднимались они. Почти в два человеческих роста. Антрацитово-чёрная броня. Бирюзовые прорезы вместо глаз. И за спиной — не крылья. Лезвия. Исполинские сегментированные серпы, раскрывшиеся со звуком, похожим на звон разбитого стекла.

Стражи.

— Отходим! — заорал я. Каэл. Впервые за весь тот разговор с девчонкой — с голосом, в котором было что-то, кроме скуки.

Поздно.

Рысь успела выпустить очередь — разряды ушли в броню и пропали, будто их не было. Ведьма закричала. Ржавый выругался — и не договорил. Лекси... Лекси выкрикнула что-то яростное, и крик оборвался звуком, который я не хочу вспоминать ни своей памятью, ни его.

А потом голубая вспышка ударила мне в грудь. Кинетический щит под кожей лопнул, как мыльный пузырь, — даже не замедлил. И последней ясной мыслью, прежде чем всё оборвалось, — его мыслью, но я помнил её так, будто думал сам, — было:

— А вот это, — сказал он тихо, почти задумчиво, — было нечестно.

Вслух. Через фильтр. Я помнил, как звучал этот голос в наступающей тишине.

Кто-то положил меня — его — в эту капсулу. Кто-то, кто хотел, чтобы он выжил.

Нет. Кто-то, кто хотел, чтобы выжило тело.

А выжил я.

* * *

Шум.

Я замер, по привычке — по обеим привычкам сразу — превратившись в неподвижность. Шум шёл справа, из-за ряда капсул. Тихий, ритмичный: шорох, щелчок, шорох, щелчок. Будто кто-то шёл на множестве мелких металлических ног.

Бледно-фиолетовая строка на периферии мигнула:

[ДВИЖЕНИЕ: 1 ОБЪЕКТ. ДИСТАНЦИЯ 14 М. ИДЕНТИФИКАЦИЯ НЕВОЗМОЖНА]

Спасибо, капитан Очевидность.

Я медленно, очень медленно повернул голову. Тело протестовало — шея затекла, мышцы, пролежавшие неизвестно сколько в жидкости, отзывались тупой болью на каждое движение. Но я повернул.

Из-за ряда капсул выкатилось нечто.

Больше всего оно было похоже на гигантского паука, если бы паука проектировал инженер, никогда в жизни не видевший пауков, а только слышавший о них. Округлое тело размером с журнальный столик — чёрное, глянцевое, как панцирь жука, увенчанное прозрачным тёмным куполом, под которым что-то тускло поблёскивало. Снизу — восемь ног, тонких, членистых, с острыми наконечниками, которые цокали по полу. Сверху — целый пучок манипу-

ляторов: длинных, коротких, с захватами, с иглами, с чем-то, похожим на лазерный резак. Два манипулятора держали на весу сложенную ткань — серую, мягкую на вид.

Ни глаз, ни лица. Только по краю корпуса — ряд крошечных огоньков, которые мигали по очереди, слева направо, как бегущая строка.

Робот остановился в двух метрах от капсулы. Огоньки мигнули ещё раз и замерли — все одновременно, ровным бирюзовым светом. Он смотрел на меня. Не знаю чем, но смотрел.

Я смотрел на него.

Тело Каэла знало, что делать. Оно уже прикинуло дистанцию, угол, точку удара — сочленение второй и третьей ноги слева, самое уязвимое место в такой конструкции, если ударить ребром ладони, композитной, правой, сустав сломается, робот завалится на бок, и тогда... Тело уже напряглось, перенесло вес, приготовилось.

Я его остановил.

Второй раз за пробуждение.

Робот принёс одежду. Робот не нападал. Робот, судя по всему, и был тем, кто положил меня в капсулу. Можно, конечно, сломать ему ногу — для профилактики. Но тогда я останусь голым, мокрым, в чужом теле, в неизвестном месте, без единого источника информации. И с врагом, которого сам себе только что создал.

Нерационально.

Каэл бы ударил. Я это знал так же точно, как знал его рефлексy: сначала ломай, потом разбирайся. *Слабак*, — сказал бы он.

Возможно. Но живой слабак.

Робот выждал ещё секунду. Потом один из манипуляторов плавно вытянулся вперёд и положил свёрток ткани на край капсулы, рядом с моей рукой. Аккуратно. Почти бережно. И отступил на шаг назад — восемь ног зацокали по полу.

Я посмотрел на ткань. Потом на робота. Потом снова на ткань.

— Спасибо, — сказал я.

Голос был чужой.

Я ожидал этого — и всё равно вздрогнул. Низкий, ровный, с тем самым металлическим призвуком на согласных, который я слышал в голове. Фильтр в гортани. Каэл когда-то говорил, что поставил его после того, как надышался кислотных паров на Ксанте, и что родную гортань пришлось почти полностью заменить. Голос с тех пор стал «как у робота из детской сказки» — так сказала Лекси, и он на неё полдня дулся.

А ещё — язык.

Слово «спасибо» я произнёс не по-русски. Я подумал его по-русски — а губы и гортань выдали что-то совершенно другое. Короткое, гортанное, с придыханием в середине. Я понял его смысл мгновенно, так же как понимал смысл строк перед глазами. Но это было не моё слово.

Местный язык. Язык Техносов. Каэл на нём говорил всю жизнь.

Я — на нём заговорил.

Робот не ответил. Огоньки на его корпусе мигнули — один раз, медленно, будто кивнули, — и он развернулся и зацокал прочь, обратно за ряд капсул.

[ДВИЖЕНИЕ: 1 ОБЪЕКТ. УДАЛЯЕТСЯ]

Я остался один.

* * *

Одежда оказалась простым комбинезоном — серым, мягким, из ткани, похожей на флис, но тоньше и плотнее. Она легко тянулась и сама обтягивала тело, когда я её надел, — будто подстраивалась по размеру. Удобно. Тепло. Безлико. Ни карманов, ни нашивок, ни застёжек — только длинный шов спереди, который сам сошёлся, стоило провести по нему пальцами.

Сапог не было. Носков тоже. Пол был холодным, но терпимым.

Я выбрался из капсулы — не сразу, со второй попытки, ноги подгибались и отказывались держать, — и встал рядом, держась за край. Постоял. Подождал, пока перестанет плыть перед глазами. Сделал шаг. Ещё один.

Тело шло. Неуверенно, как после долгой болезни, — но шло. И с каждым шагом я чувствовал, как оно вспоминает: длину ноги, центр тяжести, то, как переносится вес с пятки на носок. Не моё воспоминание — его. Я просто позволял ему вспоминать, а сам стоял в стороне и наблюдал.

Странное ощущение. Как будто ведёшь машину, которую никогда не водил, но руки сами находят рычаги.

[ЗАПИСЬ... 74%]

[ПЕРЕХОД К РАЗВЁРТЫВАНИЮ]

[РЕКОМЕНДАЦИЯ...]

Строка оборвалась на полуслове.

А рябь разрослась.

Она заполнила всё поле зрения — полупрозрачная, кислотно-зелёная с фиолетовым, бегущая волнами от краёв к центру. Сначала хаотично, как помехи на экране. Потом всё упорядоченнее. Рябь сплеталась в линии. Линии — в символы, фиолетово-зелёные, отчётливые, будто выжженные на сетчатке. Символы — в строки. И эти строки я тоже мог прочесть, хотя не видел их никогда — ни в той жизни, ни в этой.

Хотя нет. Видел.

На стенах Пандемониума. На табличке, которую нашла Лиза. На пульте, перед которым сидел старик.

[ИНИЦИАЛИЗАЦИЯ... 81%]

[НЕЙРОМАТРИЦА НОСИТЕЛЯ: ОПОЗНАНА]

[ЛИЧНОСТНАЯ МАТРИЦА: ОПОЗНАНА]

[КОНФЛИКТ МАТРИЦ: ОБНАРУЖЕН. ПРИОРИТЕТ — ЛИЧНОСТНОЙ]

Я остановился посреди зала и стоял, глядя на эти строки, которые висели прямо в воздухе передо мной — и одновременно нигде, только у меня в голове.

Личностная матрица — опознана. Конфликт матриц — обнаружен. Приоритет — личностной.

Я понял не сразу. А когда понял — почувствовал, как по спине, по той её части, где кожа была своя, а не композитная, бежит холодок.

Здесь, в этом теле, было две матрицы. Нейроматрица носителя — Каэл, его мозг, его память, его рефлексy, всё, что за тридцать восемь лет — тридцать восемь, я это знал так же точно, как свой собственный возраст, — нарастало на этот мозг слой за слоем. И личностная матрица — я. Андрей Волков. То, что старик в кресле отправил куда-то вспышкой света.

И кто-то — что-то — только что решило, что приоритет у меня.

Не спросив Каэла.

Не спросив меня.

Я стоял и ждал, что почувствую облегчение. Ведь это хорошо, правда? Это значит, что я — это я. Что моё «я» не растворится в чужом, не утонет в чужой памяти, не станет одним из голосов в чужой голове. Что Андрей Волков остаётся Андреем Волковым, просто в новой упаковке.

Облегчения не было.

Было другое. Тяжёлое, холодное, похожее на то чувство, которое приходит, когда ты наконец понимаешь, что тебя — опять — разыграли как фигуру. Красиво. Точно. Вне твоего понимания.

Где-то в глубине, на самом дне, под слоями чужой памяти, лежало то, что осталось от Каэла. Не он сам — я искал его, прислушивался, ждал, что кто-то отзовётся. Никто не ото-

звался. Там была только память. Огромная, подробная, как архив, из которого вынесли хозяина и оставили все папки на полках.

Значит, вот как, — подумал бы он. Без злости. С усталым, почти профессиональным интересом. Так наёмник говорит, когда видит, что контракт оказался не тем, что обещали в брифинге.

Я знал, что он бы так подумал. Но подумал это — я.

[ИНИЦИАЛИЗАЦИЯ... 93%]

[ЯЗЫКОВОЙ МОДУЛЬ: АДАПТАЦИЯ К РЕЧЕВОМУ ПРОФИЛЮ ЛИЧНОСТНОЙ МАТРИЦЫ]

[ПРОФИЛЬ: РУССКИЙ]

Последнее слово было написано кириллицей.

Простыми, знакомыми, родными буквами. Рус-ский. Среди фиолетово-зелёных символов древнего, нечеловеческого алфавита оно выглядело так же неуместно, как солдатская портянка на витрине ювелирного магазина.

У меня перехватило горло.

Глупо. Совершенно глупо. Я прошёл через две войны, через то, что было после второй, через вербовку в «Происхождение», через подземный город, через вспышку света, которая выдернула меня из моего собственного мира и зашвырнула неизвестно куда. Я только что очнулся голым в чужом теле, с чужой памятью и чужим голосом. И ничего из этого не заставило меня потерять контроль.

А семь кириллических букв — заставили.

Я стоял посреди зала, держась за край ближайшей капсулы, и смотрел на них, и в груди у меня что-то медленно, тяжело проворачивалось, как ржавая шестерня. Кто-то, где-то, когда-то — знал, что я русский. Кто-то позаботился о том, чтобы со мной говорили на моём языке. Кто-то готовился к моему приходу.

Значит, всё это — не случайность.

Значит, всё это — план.

[ИНИЦИАЛИЗАЦИЯ... 100%]

[СИНХРОНИЗАЦИЯ ЗАВЕРШЕНА]

[РАЗВЁРТЫВАНИЕ ИИ-ИНТЕРФЕЙСА ЗАВЕРШЕНО. СИСТЕМЫ: АКТИВНЫ. СЕТЬ: ЛОКАЛЬНЫЙ ДОСТУП]

[ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ: АНДРЕЙ ВОЛКОВ. НОСИТЕЛЬ: КАЭЛ. СОСТОЯНИЕ: СТАБИЛЬНОЕ]

Рябь исчезла. Разом, будто кто-то щёлкнул выключателем. И я почувствовал, как внутри меня что-то щёлкнуло тоже.

Имплант на левом предплечье — плоская пластина под кожей, через которую Каэл двадцать лет смотрел на скорость марша, заряд батарей и пульс отряда, — вдруг засветился. Не белым, как помнило тело. Ровным изумрудным светом, проступающим сквозь кожу, как сквозь матовое стекло.

А перед глазами, словно тысячи кристаллических нитей, всё сплелось в единое целое.

Зал остался тем же. Капсулы, жгуты под потолком, голубоватый полумрак. Но теперь каждая вещь в нём была пронизана тонкими, едва заметными линиями и символами, которые видел только я. Как будто кто-то наложил на реальность прозрачную голографическую сетку, наполненную информацией. Сетка не мешала смотреть. Она просто была — как была когда-то разметка в прицеле ночного видения, к которой привыкаешь за первые сутки и перестаёшь замечать.

Каждая капсула теперь имела свой статус, свои параметры, свой код.

Моя — над ней висела короткая надпись, фиолетово-зелёная, сложившаяся в кириллицу, стоило мне на неё посмотреть: «Капсула регенерации, четвёртое поколение. Цикл завершён. Ресурс: 31%».

Тёмные — «Неактивна. Консервация».

Три янтарные в дальнем конце — «Доступ ограничен».

А под полом, в стенах, в жгутах под потолком — текли энергетические потоки. Раньше я бы их не увидел. Даже линзы Каэла, которые видели сквозь тонкую стену, не видели этого. Тонкие, пульсирующие линии света — бирюзовые, голубые, местами почти белые. Они ветвились, сходились, расходились снова, и все — медленно, ритмично, как кровь по артериям, — уходили куда-то вниз, под пол, в глубину, где билось сердце этого места.

Я смотрел на них и понимал, что вижу кровеносную систему. Не здания — существа.

Я моргнул. Мысленно, как учило тело Каэла, — отодвинул лишнее. Сетка поблёкла, ушла на край зрения, стала почти прозрачной. Ещё одно усилие — и осталась только тонкая изумрудная кайма по краю поля зрения. В левом нижнем углу, где двадцать лет висели белые строки наёмничьей прошивки, было пусто. Взгляд Каэла ещё долго будет туда соскальзывать. Привычка. Как язык, который всё трогает место вырванного зуба.

Ладно. Работает. Это я понимал.

И тишина.

Долгая, плотная тишина.

А потом посреди зала, в трёх шагах от меня, сгустился свет.

Не вспышкой — медленно, как сгущается туман над рекой. Кристаллические нити, изумрудные и фиолетовые, сплелись в контур, контур налился цветом, и передо мной встал человек. Голограмма — пульсирующая, чуть прозрачная по краям, — но сделанная так хорошо, что тело Каэла рефлекторно перенесло вес на переднюю ногу.

Он был похож на Техноса. Только черты — чётче, будто их прорисовал более внимательный художник. Глаза горели ровной, невероятной энергией, а под этой энергией лежала усталость — глубокая, вековая, такая, которую не спрячешь ни за какой голограммой. Длинная мантия, по которой бежали сложные узоры. Я присмотрелся — не узоры. Схемы. Энергетические потоки.

Я его знал.

Не это лицо. Это лицо было моложе — на сотни лет, на тысячи. Но взгляд — тот же. Взгляд старика в кресле, в зале управления Пандемониума, за секунду до того, как он коснулся символов на панели и мир залило светом.

— Приветствую тебя, — сказал он. Голос прозвучал у меня в голове, идеально совпадая с движением губ. — Меня зовут Зодчий. Или, как вы называли бы меня в этом времени, — Эл'дарон.

Я стоял и не двигался.

— Если вы видите эту запись, значит, протоколы сработали. Мой проект, вопреки всему, увенчался успехом. — Лёгкая, почти неосязаемая нотка триумфа, перемешанная с болью. — Долгое время я и мои единомышленники искали способ исправить то, что произошло с нашей планетой, с нашей цивилизацией. Мы видели, как она увядала. Как ошибки прошлого вели к необратимым последствиям. К той самой чёрной дыре, о которой мы знаем в будущем.

Запись. Он сказал — запись. Значит, это не он. Это то, что он оставил.

— Мы пришли к выводу, что единственный способ всё исправить — отправить команду в прошлое. Команду, которая будет обладать знанием будущего и возможностью на него повлиять. Но отправка физических тел оказалась невозможной. Только сознание. — Пауза. — Поэтому моя команда нашла в прошлом тех, кто оказался на грани жизни и смерти. Мы разработали механизм переброса сознания в эти тела. После этого наш проект признали слишком опасным, неэтичным — и закрыли. Меня и моих сторонников объявили преступниками.

На грани жизни и смерти.

Каэл. Голубая вспышка в грудь. Три минуты — или сколько там — без пульса.

Тело на грани. Пустой сосуд.

— Но к тому моменту расчёты были готовы, — продолжал Зодчий. — Ключевые точки — моменты истории, когда всё пошло не так, — установлены. Я запустил протокол ожидания. Все субъекты — или лучше сказать, команда — перенесены в свои ключевые места во времени.

Голограмма чуть дрогнула. Как будто запись в этом месте разветвлялась, и система выбирала нужную ветку.

— На плечи каждого из вас ложится тяжелейшая задача: изменить историю. ИИ, который теперь доступен вам, имеет коды и пароли того времени, в которое вы попали. В нём — память и знания не только о планете, но и мои собственные. — Пауза. — Вы — не первый из вашей команды. Первый узел уже активен. Его следы привели протокол к вам и позволили развернуть интерфейс в теле, которое для этого не предназначалось. Найдите его. Вдвоём вы увидите больше, чем поодиночке.

Первый узел.

Кто-то из наших. Здесь.

— ИИ поможет вам найти остальных субъектов, — завершил Зодчий, — когда они окажутся достаточно близко для контакта.

Он посмотрел на меня. Прямо. Сквозь тысячелетия и сквозь голографический шум.

Потом проекция растаяла. Нити распустились, втянулись в воздух, исчезли.

Я остался стоять посреди зала, вцепившись в край капсулы.

Достаточно близко для контакта.

Насколько — близко?

А потом в этой тишине — не снаружи, внутри, прямо в центре головы, там, где обычно звучат собственные мысли, — раздался голос.

Не тот, что только что говорил с голограммы. Другой. Спокойный. Глубокий. Неторопливый. Без возраста и без пола — если у голоса может не быть пола. Он говорил по-русски, чисто, без малейшего акцента, но в интонациях было что-то неуловимо чужое, как бывает у людей, которые выучили язык идеально, но думают всё равно на другом.

Зодчий: *Здравствуй, Андрей.*

Я не ответил. Я стоял, вцепившись в край капсулы, и чувствовал, как правая рука — композитная, та, что держит удар, — медленно сжимается, и под пальцами со скрипом прогибается материал капсулы.

Зодчий: *Ты, вероятно, хочешь задать много вопросов. Это естественно. Но прежде чем ты их задашь, позволь мне задать один. Только один. Ответ на него определит, в каком порядке нам с тобой стоит разговаривать дальше.*

Пауза. Длинная, выверенная, как в хорошем допросе.

Зодчий: *Кем ты себя сейчас чувствуешь?*

Я молчал.

Где-то в глубине, под слоями чужой памяти, ничего не шевельнулось. Никто не прислушался. Там было пусто — и тихо, как в архиве ночью.

Вопрос был хороший. Очень хороший. Именно тот, который я задал бы на его месте, если бы хотел за один ответ понять, с кем имею дело, насколько этот кто-то стабилен и с какого конца его лучше брать.

Профессионал.

Что ж.

— Злым, — сказал я вслух.

Чужим голосом. На чужом языке. Но это слово, кажется, вышло у меня совершенно по-русски.

Зодчий: *Хорошо, — ответил голос после короткой паузы. И мне показалось — только показалось, — что в нём мелькнуло что-то похожее на удовлетворение. — Злость — это ясность. С ясностью можно работать. Тогда начнём.*

Глава 2. Обращение

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.